

NARR MYTH

МЫ ЗДЕСЬ ОДНИ

Иногда ночь знает
ответ. Но за него
приходится
заплатить.

00:17

ВХОД ТОЛЬКО
С ВОПРОСОМ

12+

УА • МИСТИКА • НОЧНОЙ ГОРОД
ВЫБОР • ПРАВДА • САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

NARRIUM STORIES

Narrium Stories

Мы здесь одни

«Автор»

2026

Stories N.

Мы здесь одни / N. Stories — «Автор», 2026

В 00:17, когда луна идёт на убыль, в городе открывается ещё один маршрут. Его не найти на дневной карте, и попасть туда могут не все — только те, у кого есть вопрос, который слишком долго оставался без ответа. Рома выходит в ночь из-за витрины, в которой однажды увидел отца. Кира идёт за ним — сначала из любопытства, потом потому, что ночной город начинает отвечать и на её вопросы тоже. Здесь у каждого места своё время, у каждой двери — своя цена, а витрины показывают не мечты, а то, чего тебе не хватает больше всего. Чем дальше Рома и Кира заходят в этот город, тем труднее становится отличить помощь от соблазна. Одни дети возвращаются домой до рассвета. Другие остаются там, где наконец можно получить точный ответ.

Содержание

Глава 1. Третья ночь	5
Глава 2. Новенькая	9
Глава 3. Киоск	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Narr Myth, Narrium Stories

Мы здесь одни

Глава 1. Третья ночь

Сон был всегда одинаковым.

Рома стоял у витрины. Улица незнакомая, фонарь горит где-то сзади, и тень от Ромы падает вперёд, прямо на стекло. Витрина тёмная — не чёрная, а такая темнота, которая бывает внутри комнаты, когда смотришь снаружи: что-то там есть, контуры угадываются, но что именно — не разобрать. И он знал. Не видел, но знал — там есть ответ. На какой вопрос, Рома не мог бы сказать даже самому себе. Просто ответ. Единственный. Правильный. Тот, которого он не умел спросить вслух уже три года.

Первую ночь он проснулся от этого сна в половине третьего и долго лежал, глядя в потолок. Потолок был обычным — белым, с маленькой трещиной возле люстры. Всё как всегда. За окном иногда проезжала машина, потом опять тихо.

Вторую ночь сон вернулся, и Рома снова стоял у витрины, снова чувствовал это невозможное тягучее знание, что ответ — вот он, за стеклом, — и снова проснулся ни с чем, только с горьким привкусом прерванного.

На третью ночь он вообще не заснул.

* * *

Мама ушла на смену в восемь вечера. Перед уходом оставила на плите кастрюлю с супом — накрытую крышкой, чтобы не остыло быстро. Поцеловала его в макушку, сказала «не засиживайся» и ушла. Рома слышал, как она возится в прихожей, как щёлкает замок, как стихают шаги на лестнице.

Потом была тишина.

Не та тишина, которая бывает, когда все дома и просто молчат. Другая — квартирная, которую Рома знал хорошо. В ней слышнее холодильник, слышнее, как где-то наверху ходят соседи, слышнее собственное дыхание. Он разогрел суп, отрезал хлеб. Хлеб он макал в бульон — давно привык так, хотя уже не помнил, от кого это перенял. Поел, вымыл тарелку и мамину кружку, которая стояла в раковине с утра. Мамину кружку он всегда мыл — почему-то не мог оставлять её там до ночи.

Сделал уроки — математику не доделал, решение не складывалось. Оставил тетрадь открытой на столе. На подоконнике лежал сломанный фонарик — он обещал себе починить его ещё в сентябре, уже почти ноябрь, фонарик всё лежал. Рома посмотрел на него, подумал «завтра» и лёг.

Закрывал глаза — видел витрину. Открывал — потолок с трещиной.

В одиннадцать встал, выпил воды, постоял у окна. Двор внизу был пуст: одна скамейка, три дерева, фонарь у дальнего угла. Фонарь горел ровно, жёлто, как всегда. Ничего интересного. Рома вернулся в постель.

В двенадцать перестал пытаться спать.

Он лежал на спине поверх одеяла и думал о разных вещах — о математике, о контрольной, о том, что у мамы скоро день рождения и он не придумал, что подарить. Думал нарочно, чтобы не думать о другом. Это работало плохо. Другое всё равно было где-то рядом — не мыс-

лю, а ощущением, как бывает с выбитым зубом: сам не трогаешь, но язык знает, что место пустое.

Три года. Рома умел уже не считать. Просто: папы нет, и место пустое, и привык. Или думал, что привык. По крайней мере, большую часть времени ему не было больно — просто фон, просто тихое присутствие отсутствия, как шум из соседней квартиры, к которому перестаёшь прислушиваться.

Витрина снова встала перед глазами, хотя он не спал.

Рома сел. Посмотрел на телефон: 00:11.

Он подумал: сейчас будет 00:12, потом 00:13, а потом окажется, что ничего нет, и надо просто лечь и перестать быть идиотом. Что он вообще ждёт? Фонарь у угла горит, как горит всегда. Он не будет смотреть на него. Не будет. Он лёг. Закрыл глаза. Полежал, наверное, минуту. Потом сел опять.

Двор за окном лежал совершенно пустым, совершенно тихим. Даже листья на деревьях не шевелились. Как будто всё снаружи задержало дыхание — или это он сам задержал и не заметил. Фонарь горел. Рома смотрел на него и злился на себя: глупо. Никакого ночного города нет, это просто три плохие ночи подряд, надо завтра сказать маме, что плохо сплю, она что-нибудь придумает.

Телефон показал 00:17.

Фонарь у дальнего угла мигнул.

Рома видел это точно — смотрел прямо на него. Фонарь мигнул, и когда загорелся снова, свет стал другим. Не жёлтым. Не белым. Чем-то, для чего у Ромы не было слова: слабее обычного, но как-то чище, как будто воздух вокруг фонаря стал прозрачнее.

Он не сразу понял, что встал с кровати. Просто в какой-то момент оказалось, что он стоит у окна.

Рома оделся не думая — джинсы, свитер, кеды. Взял ключ. Встал в прихожей.

Тут он остановился.

Дверь маминой комнаты была прикрыта — она всегда оставляла свет в ночнике, чтобы, когда придёт с ночной, не шарить в темноте. Рома смотрел на полоску тусклого света под дверью и думал: если он выйдет, а мама вернётся раньше, она не сразу заметит. А если заметит — скандала не будет, будет хуже: она будет смотреть таким взглядом, который, это Рома знал точно, означал «у меня не хватает сил на это сейчас, я слишком устала».

Фонарь горел за окном — с той стороны прихожей, где нет окна, он его не видел. Но знал, что горит.

Он решил: если выйдет во двор и фонарь окажется обычным, жёлтым, то просто вернётся. Значит, показалось. Значит, спать.

Замок щёлкнул тихо. Рома вышел.

Воздух снаружи был другим. Не холоднее и не теплее — другим. Как будто у него другая плотность, что ли. Рома сделал вдох и почувствовал что-то, чему не нашёл названия: не запах и не вкус, а что-то вроде тишины, у которой есть вес. Двор лежал перед ним в этом не-жёлтом свете, и деревья отбрасывали тени в неожиданную сторону, хотя никакой второй луны не было — просто тени были чуть не там, где должны.

Он подошёл к фонарю. Постоял под ним, задрал голову. Фонарь гудел очень тихо — раньше Рома не слышал, чтобы он гудел. Свет сверху был почти белым, но с каким-то синим дном, как снег в сумерках.

Не обычный. Не жёлтый.

Рома пошёл дальше.

* * *

Улица за двором была обычной улицей — он знал её хорошо, ходил по ней каждый день в школу. Но сейчас на ней не было ни одной машины и ни одного человека, и магазины по обе стороны стояли тёмными, и светофор на перекрёстке переключался с зелёного на красный и обратно — ровно, методично, хотя переключаться ему было незачем.

Рома шёл и смотрел по сторонам. Он не знал, куда идёт. Точнее, знал — туда, где витрина. Просто у него было что-то вроде направления, как когда идёшь по знакомой дороге и думаешь о другом, а ноги сами поворачивают в нужных местах.

Посередине квартала он остановился.

На тротуаре стоял киоск. Небольшой, с полукруглой крышей и закрытыми ставнями. Рома точно знал, что никакого киоска здесь нет — он ходил тут каждый день, и этого киоска не было никогда. Но сейчас он стоял, и на закрытой ставне была приклеена бумажка с написанным от руки словом — «закрыто». Рома подошёл и прочитал. Потом подумал: закрыто — значит, бывает открыто. И пошёл дальше.

За следующим поворотом он услышал трамвай.

Не далёкий, а почти рядом — металлический перестук, как будто рельсы где-то в соседнем квартале. Только трамваев в этом районе не было. Это Рома знал совершенно точно — когда-то давно он спрашивал папу, почему, и папа объяснял что-то про демонтированные пути, про послевоенное время, про то, что в некоторых городах трамваи просто исчезают и никто не объясняет почему. Рома тогда подумал, что это грустно. Сейчас трамвай стучал за поворотом, и Рома не свернул — ноги несли его прямо.

Он свернул в переулок между старой аптекой и домом с зелёными балконами. Переулок он знал — там был тупик с мусорными баками. Но сейчас переулок не заканчивался тупиком. Он выходил на улочку, которой тут быть не должно, — узкую, с брусчаткой и фонарями через каждые десять шагов. Рома остановился на её входе и подумал: наверное, надо удивиться. Но не удивился. Просто пошёл дальше.

Витрина была третьей слева.

Он её узнал сразу — ещё до того, как подошёл вплотную. По форме окна, по тому, как оно стояло чуть глубже стены, по цвету рамы — тёмно-зелёный, облупившийся по углам. Она была именно такой, как во сне.

* * *

Внутри горел свет — неяркий, как от лампы под абажуром. Пространство за стеклом было похоже на комнату, хотя снаружи это выглядело как обычный магазин. Стол у окна. Стул. На столе — чашка и газета, сложенная ровно вчетверо.

За столом сидел отец.

Он читал. Держал газету обеими руками, голову наклонил немного вперёд, как он всегда делал, когда читал что-то интересное. Рома это помнил. Рома помнил, как он держит газету, как наклоняет голову. Потом отец перевернул страницу и, прежде чем начать читать, один раз постучал ногтем по краю стола — тихо, почти беззвучно.

Рома перестал дышать.

Этот жест. Он помнил этот жест. Отец всегда так делал, когда читал и думал одновременно о чём-то постороннем. Один раз — ногтём по столу, или по чашке, или по подлокотнику кресла. Никто другой так не делал. Рома был в этом уверен, потому что однажды, когда был маленьким, попробовал так же, и мама сказала: «Ты папу копируешь». Он тогда разозлился.

Рома смотрел на чашку. На газету. На пальцы отца — как они держат страницу. И до него не сразу дошло, что самое страшное — вот оно: ничего не происходит. Никто не поворачивается. Мир не ломается. Отец просто читает, и это обычный вечер в обычной комнате, и именно это было невыносимо.

Отец не смотрел на него. Читал. Взял чашку, отпил, поставил обратно — аккуратно, точно на то место, где стояла. Всё было невыносимо спокойным. Невыносимо обычным. Как любой вечер в любой комнате в любом доме, только за стеклом, только недоступным.

Рома не знал, сколько простоял. Он забыл проверить телефон. В какой-то момент его рука поднялась — почти до стекла — и он остановил её сам. Не потому что испугался. Потому что понял: если сделает шаг, это станет окончательным. Окончательной правдой или окончательной неправдой — он не знал, что хуже.

Рука не дошла до стекла.

Он остановил её сам — не потому что испугался, а потому что вдруг понял: если войдёт, это станет окончательной правдой. Или окончательной неправдой. И он не знал, что из этого хуже. Не был готов знать. Не сейчас, стоя посреди ночи на улице, которой нет на карте.

Отец поправил очки, не поднимая взгляда от газеты.

Рома смотрел.

Потом свет в витрине погас — не мигнул, не потускнел, просто погас, сразу, и за стеклом стала темнота. Рома постоял ещё секунду, глядя в тёмное стекло, в котором отражалось только его собственное лицо и пустая ночная улица за спиной. Потом развернулся и пошёл домой.

* * *

Переулок между аптекой и зелёными балконами снова был тупиком с мусорными баками. Рома не стал проверять дважды. Пошёл по знакомой дороге обратно — через пустую улицу со светофором, через двор, мимо фонаря, который теперь горел жёлтым, обычным. Поднялся, разделся, лёг.

Заснул почти сразу. Этого он не ожидал.

Утром мама была дома — вернулась с ночной смены, пока он спал. Они позавтракали молча. Рома ел, смотрел в окно. За окном было утро — серое, с голубями на карнизе.

Он взял портфель. И уже в прихожей, садясь на пол завязать кеды, вдруг заметил: он не думал об отце. Весь завтрак — не думал. Ни разу.

Он замер. Проверил — как проверяют больное место: аккуратно, ждёшь боли. Подумал об отце. Об очках. О жесте — ноготь по краю стола. Боль была. Никуда не делась.

Но до этого несколько минут её не было. Просто не было — как будто место, которое три года было пустым, на несколько минут перестало ныть. Стало тихим. Просто тихим.

Рома не знал, хорошая ли это новость.

Он завязал шнурок и вышел. Но что-то внутри было тихим немного иначе, чем вчера. Как будто в комнате, где давно не открывали окон, кто-то сдвинул раму на сантиметр. Воздух ещё тот же. Но уже немного другой.

Глава 2. Новенькая

Утром Рома проснулся за десять минут до будильника и несколько секунд лежал, глядя в потолок, прежде чем вспомнил.

Потом вспомнил.

Он встал, умылся, съел кашу из пакета — мама ещё спала после ночной смены, дверь была закрыта. Рома старался не греметь ложкой. Сложил тарелку в раковину, подумал, вымыл. Взял портфель. Вышел.

На лестнице было обычно: запах чьего-то кофе с третьего этажа, мигающая лампочка на втором, которую уже полгода никто не менял. Рома спустился, вышел во двор.

Фонарь у дальнего угла стоял нормально. Жёлтый. Обычный. Рома посмотрел на него дольше, чем следовало, потом отвернулся.

До школы он шёл по тому же маршруту, что всегда. Свернул в переулок между аптекой и домом с зелёными балконами. Дошёл до конца. Тупик, мусорные баки, кирпичная стена с облупившейся краской. Никакой брусчатки. Никакой узкой улочки. Никаких фонарей через каждые десять шагов.

Рома стоял в тупике и смотрел на стену.

Потом достал телефон, проверил время — надо было спешить, — и пошёл в школу через соседний проулок.

Он думал о том, что, может быть, просто приснилось. Это было бы хорошим объяснением. Он не спал нормально три ночи, голова работала плохо, мог задремать у окна и принять сон за реальность. Бывает. Это называется гипнагогическая галлюцинация — он читал про это когда-то в какой-то статье. Очень убедительно, когда не спишь: видишь и слышишь так же, как наяву.

Правда, он не помнил, чтобы засыпал у окна. Он помнил, что надел кеды. Что замок щёлкнул тихо. Что воздух был другой.

Но это тоже могло быть частью сна.

Рома решил, что не будет об этом думать. И думал об этом всю дорогу до школы.

Возле самой школы, у поворота, его взгляд зацепился за витрину цветочного магазина. Обычная витрина: белая рама, горшки с фикусами, табличка с ценами. Рома остановился на секунду — сам не понял почему — и только потом осознал, что искал глазами зелёную раму с облупившимися углами. Потом прошёл мимо и больше не смотрел на витрины.

* * *

В классе было шумно — перед первым уроком всегда. Рома сел на своё место у окна, достал тетрадь по математике с недоделанным заданием, посмотрел на него. Задание не стало понятнее за ночь.

Пришёл Стёпа Ильин, плюхнулся на соседнее сиденье и сразу начал рассказывать что-то про новый уровень в игре, которую Рома не проходил. Рома кивал в нужных местах. Это работало — Стёпа был тем типом человека, которому не нужно, чтобы его слушали по-настоящему, которому нужно только чтобы рядом кто-то был.

Первый урок был история. Валентина Сергеевна что-то говорила про торговые пути, Рома смотрел в окно — там был школьный двор, берёза с последними листьями, кусок неба. Он взял ручку и начал чертить что-то на полях тетради. Потом посмотрел, что именно нари-

совал: прямоугольник. Окно. С рамой. Он закрасил его и написал поверх «торговые пути», чтобы выглядело как конспект.

— Воронов, — сказала Валентина Сергеевна, — повтори, что я только что сказала.

Рома не смог повторить. Класс засмеялся. Стёпа тихо сказал ему ответ через плечо. Это было не страшно и не стыдно — просто стандартная ситуация. Рома кивнул учительнице, она пошла дальше.

Вошла Валентина Сергеевна и сказала: «Тихо.» Стало тихо.

— Ребята, — сказала Валентина Сергеевна, кладя журнал на стол, — у нас новая ученица. Прошу отнестись по-человечески.

Дверь открылась.

Рома не сразу поднял взгляд — он дописывал число в тетрадь. Потом поднял.

Новенькая стояла у доски и смотрела на класс так, как будто оценивала, стоит ли он её внимания. Не нагло — просто быстро, привычно, как человек, который умеет читать комнату и всегда это делает. Коротко стриженная, в чёрном свитере, с рюкзаком на одном плече. Она не улыбалась и не хмурилась — просто смотрела.

— Кира Новак, — сказала Валентина Сергеевна. — Переехала к нам из Самары. Кира, садись вон туда, на третью парту.

Третья парта была прямо перед Ромой.

Кира прошла через класс, не задев ни одного стула, положила рюкзак и села. Рома видел её затылок и часть профиля — она сразу достала тетрадь и ручку, как будто уже давно готова была к уроку, которого ещё не было.

Валентина Сергеевна открыла учебник.

Рома посмотрел на недоделанную математику и решил, что гипнагогические галлюцинации — это, наверное, не про него.

* * *

Зацепка случилась на перемене, и Рома не ожидал, что это случится именно так.

Он стоял у подоконника в конце коридора — там всегда было немного тише, чем в середине, — и смотрел вниз во двор. Во дворе первоклашки гоняли мяч. Рома думал ни о чём конкретном, просто смотрел.

— Ты живёшь в этом районе давно?

Он обернулся. Кира стояла рядом — не вплотную, но близко, облокотившись на подоконник с другой стороны окна. Тетрадь держала под мышкой. Смотрела тоже вниз, во двор, а не на него.

— Всю жизнь, — сказал Рома.

— Угу. — Она помолчала. — Здесь есть трамваи?

Вопрос прозвучал слишком быстро, и она это, видимо, сама услышала, потому что сразу добавила:

Рома несколько секунд молчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Их здесь лет двадцать не было.

— Просто любопытно. Из той жизни, где трамваи. — Пауза. — Странно, — сказала она, и тон стал чуть небрежнее, как у человека, который хочет, чтобы его не восприняли всерьёз. — Я слышала трамвай ночью. Примерно в половину первого, может, позже. Наверное, показалось.

Рома смотрел на неё. Она всё ещё смотрела во двор.

— Ты живёшь в нашем доме? — спросил он.

— В соседнем. Пятый этаж, окно на двор.

Рома подумал: пятый этаж, окно на двор — это значит, если смотреть в сторону переулка между аптекой и зелёными балконами, она могла видеть и угол двора, и, может быть, часть улицы.

— И больше ничего не слышала? — спросил он, и сам почувствовал, что вопрос прозвучал неловко, слишком конкретно.

Кира наконец посмотрела на него. У неё были внимательные глаза — из тех, которые запоминают.

— Зависит от того, — сказала она медленно, — что именно ты имеешь в виду под «ещё».

Прозвенел звонок. Кира отлипла от подоконника и пошла в сторону класса. Рома остался стоять.

* * *

После последнего урока Рома не торопился. Сложил вещи, пока все расходились, вышел в коридор. Кира стояла у раздевалки и листала что-то в телефоне. Когда он проходил мимо, она подняла взгляд.

— Ты сейчас домой? — спросила она.

— Да.

— Я тоже.

Это не было приглашением идти вместе — скорее констатацией. Но они вышли из школы одновременно, и так получилось, что идти им было в одну сторону. Рома не стал ничего объяснять. Кира тоже молчала первые полквартила.

— Ты здесь один знаешь, где что, — сказала она наконец. Не вопрос.

— В смысле?

— Ну, ты местный. Я три недели назад приехала, ещё не всё нашла.

Рома пожал плечами.

— Здесь особо нечего искать.

— Это ты так думаешь, — сказала Кира. И опять этот тон — не загадочный, не многозначительный, а просто: я уже видела кое-что, что ты, возможно, тоже видел, но мы пока оба делаем вид, что нет.

Они дошли до перекрёстка. Рома свернул привычно. Кира свернула за ним.

— Переулок между аптекой и домом с балконами, — сказал Рома. Не спрашивая.

— Я его видела из окна, — сказала Кира. — Вчера ночью. Ты шёл туда.

Рома остановился. Они стояли посреди тротуара, прохожие огибали их.

— Я шёл в переулок, — сказал он осторожно, — а дальше?

Кира смотрела на него с чем-то вроде интереса — не злого, не насмешливого, а такого, как когда человек наконец получает подтверждение чему-то, во что не до конца верил.

— Дальше ты не вернулся оттуда сразу, — сказала она. — Я смотрела на часы, потому что не могла спать. Тебя не было примерно сорок минут. Потом ты вышел обратно и пошёл домой.

— Ты следила за мной? — сказал Рома. В голосе у него получилось что-то между недовольством и настоящим вопросом.

— Я не спала, — повторила Кира терпеливо. — Окно выходит во двор. Ты вышел из подъезда в половине первого ночи, это трудно не заметить. — Она помолчала. — И ещё я видела свет.

— Какой свет?

— Фонарь. Он изменил цвет. Примерно в половине первого — точнее не могу сказать, не смотрела на телефон прямо в этот момент. Стал как-то... другим. Я подумала, лампочка сгорает. Потом ты вышел.

Рома смотрел на неё. Она смотрела на него.

— И ты что, просто наблюдала? — спросил он.

— Нет, — сказала Кира. — Я чуть не вышла следом.

Пауза была такой длины, что в ней поместился бы целый разговор. Рома не заполнил её.

Кира тоже не стала.

Они дошли до двора молча. У подъезда Ромы Кира остановилась.

— Ты видел что-то в том переулке, — сказала она. Не вопрос.

— Я не уверен, — сказал Рома. Это была правда, хотя и не вся.

Кира кивнула, как будто он сказал что-то важное.

— Я тоже не уверена, — сказала она. — Я видела витрину.

Рома не сразу спросил «где». Он стоял и смотрел на неё, и в какой-то момент понял, что именно этого и боялся весь день — не того, что никто не поверит, а того, что кто-то скажет именно эти слова. Потому что если она видела, то это было настоящим. Совсем настоящим. Без запасного выхода.

Во дворе хлопнула дверь подъезда. Кто-то выгуливал собаку, и та тянула поводок в сторону газона. Рома всё это видел краем глаза и думал: как странно, что мир продолжает работать.

— Где? — спросил он наконец.

* * *

— Из окна. Когда ты ушёл в переулок, я переместилась к другому окну — оно выходит на улицу, на дом с аптекой. Чтобы смотреть, куда ты идёшь. И увидела витрину. Там, где её нет — я уже ходила по этой улице, магазина там нет. Но в ту ночь там горел свет. Зелёная рама.

У Ромы в ушах что-то коротко зазвенело.

— Зелёная, — повторил он.

— Облупившаяся по углам. — Кира смотрела на него ровно. — Я не видела, что внутри. Далеко и угол плохой. Но я видела, что ты стоял перед ней долго. — Пауза. — Что там было?

Рома молчал. Он думал о том, что если сейчас расскажет — про отца, про газету, про жест с ногтем, — то это станет настоящим. Окончательно. Не сном, не галлюцинацией. Потому что другой человек видел витрину снаружи.

— Я не знаю, что там было, — сказал он. — То есть я видел... что-то. Но не уверен, что правильно понял.

Кира помолчала. Потом сказала:

— Ладно. — И достала из рюкзака тетрадь.

Это была обычная тетрадь в клетку. Она открыла её посередине, показала ему страницу.

Там был рисунок. Набросок карандашом, быстрый и не очень точный — видно было, что рисовала по памяти, в темноте или почти в темноте. Витрина. Окно с тёмно-зелёной рамой. Облупившиеся углы. Внутри — силуэт человека за столом, нечёткий, угадывающийся.

— Я не умею рисовать, — сказала Кира. — Но я хотела запомнить точно. На случай если утром решу, что придумала.

Рома смотрел на рисунок.

Человек за столом был нечёткий. Но поза — наклон головы, руки с чем-то прямоугольным — была узнаваемой. Та же.

— Не придумала, — сказал он.

Кира забрала тетрадь. Убрала в рюкзак. Посмотрела на него с тем же ровным вниманием, которое Рома уже начинал опознавать как её основное выражение лица.

— Значит, не придумала, — сказала она. — Тогда вопрос: ты собираешься идти туда снова?

Рома не ответил сразу. Он думал: нет, не собираюсь. Это опасно, или странно, или просто непонятно, а непонятное лучше не трогать. Он думал: я живу здесь всю жизнь, переулочек пустой, никакой брусчатки нет, это был сон.

Он думал это всё — и при этом знал, что в следующую ночь, когда будет 00:17, он встанет и оденется. Знал это так же точно, как то, что фонарь вчера горел не жёлтым.

— Наверное, — сказал он.

Кира кивнула. Не «хорошо» и не «ладно» — просто кивок, как будто он подтвердил то, что она и так знала.

— Я живу в соседнем подъезде, — сказала она. — Второй слева от твоего. Если что.

Она пошла к своему подъезду. Рома смотрел ей вслед — как она идёт, не оборачиваясь, рюкзак на одном плече.

«Если что» — это была странная фраза. Она могла означать всё что угодно. Рома не стал додумывать.

Он вошёл в подъезд, поднялся на свой этаж. Снял кеды, повесил куртку, поставил портфель. Пошёл на кухню, налил воды. Стоял у окна, пил воду и смотрел во двор.

Фонарь у дальнего угла стоял нормально. Жёлтый. Обычный.

Рома смотрел на него и думал: раньше витрина была только его. Его сном, его ночью, его отцом за стеклом. Он мог сказать себе что угодно — приснилось, показалось, бывает. Теперь не мог. Потому что Кира нарисовала зелёную раму в тетради в клетку. И это было страшнее, чем если бы она сказала, что тоже видела отца.

Фонарь горел жёлтым. Рома отошёл от окна и сел за стол. Тетрадь с недоделанной математикой лежала там, где он её оставил. Он открыл её и увидел на полях зачёркнутый прямоугольник с надписью «торговые пути». Смотрел на него секунды три. Потом закрыл тетрадь и лёг спать — хотя знал, что не заснёт.

Глава 3. Киоск

В этот раз Рома не притворялся, что ляжет спать.

Он сидел за столом в одиннадцать вечера, смотрел на тетрадь по истории и не открывал её. Мама ещё не ушла — она возилась на кухне, потом зашла сказать «не засиживайся», потом снова на кухне. В двенадцать в коридоре щёлкнул замок, и Рома остался один. Он подождал немного и пересел к окну.

Двор был пустым. Фонарь у дальнего угла горел жёлтым — пока жёлтым, пока обычным. Рома смотрел на него и думал: вот сейчас, наверное, как раз тот момент, когда разумный человек решает, что хватит, что это было один раз, что незачем идти снова. Что витрина — это витрина, что трамвай — просто звук, что Кира нарисовала то, что хотела нарисовать.

Кира. Он не знал, придёт ли она. Они ничего не договаривались — она просто назвала подъезд и ушла. Может, утром она проснулась и решила, что переоценила ситуацию. Может, рисунок в тетради казался ей теперь глупостью.

Рома подумал: если она не придёт, я пойду один.

Потом подумал про другое: в первую ночь он мог сказать себе что угодно. Задремал у окна. Гипнагогическая галлюцинация, бывает. Витрина, которой нет, отец за газетой, улица из сна — всё можно было упаковать обратно в "показалось" и жить дальше. Теперь так не получится. Потому что Кира нарисовала зелёную раму. Потому что она сказала "я видела витрину" и не взяла это назад. Если она придёт — это уже не сон. Это уже навсегда что-то другое.

Рома сидел у окна и думал: может, лучше если она не придёт.

Потом подумал: это плохая мысль, и неловко, что она так быстро появилась.

Он встал, оделся — снова джинсы, свитер, кеды. Поставил будильник на четыре утра на случай, если забудет о времени. Постоял у двери. Фонарь за окном всё горел жёлтым — было без двадцати час, ещё рано. Рома сел обратно. Ждать было хуже, чем идти.

В 00:17 он уже стоял у окна и смотрел.

Фонарь мигнул. Свет изменился — тот же, что в прошлый раз, без названия и без цвета, который Рома мог бы описать. Просто не тот. Просто другой.

Рома надел куртку и вышел.

* * *

Во дворе было тихо и светло — не от фонаря, а каким-то рассеянным образом, как будто воздух сам давал немного свечения. Рома остановился у края тротуара и огляделся.

Кира сидела на скамейке у качелей. Просто сидела, смотрела себе под ноги, руки в карманах куртки. Когда Рома подошёл, она подняла голову.

— Ты поставил будильник на четыре? — спросила она.

— Да, — сказал Рома. — Ты тоже?

— На полчетвёртого. Мне дольше одеваться.

Они помолчали. Это была не неловкая пауза, а пауза людей, которые понимают, что сейчас скажут что-то важное и не знают, с чего начать.

— Зачем ты пошла, — сказал Рома. Это не был вопрос с вопросительной интонацией. Просто фраза.

— Затем же, зачем и ты, — сказала Кира. — Не могла не пойти. — Пауза. — Плохо звучит, да? Как будто у меня нет воли.

— У меня тоже нет воли, — сказал Рома.
Это было честнее, чем он собирался говорить. Он убрал это в сторону и сказал:
— Переулок — туда. Я покажу.

* * *

Они шли молча первые полквартилы. Потом Кира сказала:

— Витрина прошлой ночью. Ты видел там кого-то.

— Да.

— Кого?

Рома шёл и смотрел вперёд.

— Я пока не хочу об этом говорить.

— Ладно, — сказала Кира. Пауза. — Это был кто-то знакомый?

— Кира.

— Молчу.

Но молчала она ровно до следующего поворота.

— Это просто важно понять, потому что если витрины показывают разным людям разное, то это одна система. А если всем показывают одно, то другая. И это влияет на то, насколько это опасно.

— Ты уже решила, опасно это или нет? — сказал Рома.

— Пытаюсь. Ты мне не помогаешь.

— Я не обещал помогать, — сказал Рома. — Ты просто пришла.

— Ты просто вышел, — сказала Кира. — Мы в равных условиях.

Рома хотел сказать что-то ещё, потом передумал. Она была права, что в равных. Это его не устраивало, но это было правдой.

Они дошли до угла, свернули. Аптека с тёмной вывеской, дом с зелёными балконами. Переулок между ними.

— Вот здесь, — сказал Рома. — Сейчас это тупик.

Кира подошла к входу в переулок, заглянула. Темно, мусорные баки, кирпичная стена.

— И что, само откроется?

— В прошлый раз просто оказалось, что нет тупика. Я просто пошёл — и вышел на другую улицу.

— Просто пошёл, — повторила Кира. В её голосе не было насмешки — скорее осторожная точность. — Хорошо. Пошли просто.

* * *

Переулок не изменился сразу — они прошли несколько шагов по обычному тротуару, между обычными баками, и Рома уже начал думать, что сегодня ничего, что вторая ночь другая, что это не работает вдвоём. Потом брусчатка появилась под ногами — не вместо асфальта, а как будто асфальт просто кончился и следующей поверхностью оказалась она. Никакого шва. Просто — вот ещё асфальт, вот уже брусчатка.

Кира остановилась и посмотрела вниз.

— Ага, — сказала она тихо. — Ладно.

Она не сказала «вау» и не сказала «невероятно». Просто «ага» и «ладно» — как человек, который ожидал чуда и теперь проверяет, насколько он готов его принять. Рома посмотрел на неё и почувствовал что-то близкое к уважению, хотя это слово ему не понравилось.

Переулок вывел их на узкую улочку — та же, что и прошлый раз. Брусчатка, фонари через десять шагов, свет того же безымянного оттенка, из-за которого всё выглядело чуть чище и

чуть менее реальным одновременно. Вдали стояли закрытые витрины магазинов — не тёмные, а именно закрытые, как будто внутри кто-то есть, просто не принимает.

Кира медленно оглядывалась — не с восторгом, а методично, запоминая.

— Ты знаешь, куда идти? — спросила она.

— В прошлый раз я просто шёл, — сказал Рома. — Ноги знали.

— Это обнадеживает, — сказала Кира. Сухо, но без яда.

Рома пошёл. Ноги снова знали. Или казалось, что знали — в любом случае, сворачивать в определённых местах было так же естественно, как дышать, и он перестал думать об этом отдельно.

Кира шла рядом. Он чувствовал, что она смотрит на него, потом на улицу, потом снова на него — не пристально, а как человек, который собирает данные.

— Ты сказал, что слышал трамвай, — произнесла она после паузы.

— Нет, ты слышала. Я тоже слышал, но уже здесь.

— И видел киоск?

— Видел закрытый. На нём было написано «закрыто».

— Логично для закрытого киоска, — сказала Кира.

— Но я подумал, что раз написано «закрыто», значит, бывает открыто.

Кира не ответила сразу. Потом:

— Ты это подумал, а не я. Интересно, что именно тебе в голову пришло открытый режим, а не то, что вывеска просто так висит.

Рома тоже не ответил. Он думал: она права. Он сам удивился тогда. Может, город и правда что-то подсказывал.

Киоск они нашли до того, как Рома успел начать его искать.

* * *

Он стоял на углу — приземистый, с полукруглой жестяной крышей и деревянным прилавком за стеклом. Не новый и не старый, а такой, у которого возраст вообще непонятно как оценивать. На боку висела жестяная табличка: «Открыто с 00:19 до 01:30». Рядом маленькими буквами: «Имён не спрашиваем».

За прилавком горела жёлтая лампа. Правда жёлтая — единственная по-настоящему жёлтая вещь на этой улице. Под ней сидел пожилой мужчина в тёмном свитере. Читал что-то, не поднимая глаза. На прилавке стояла чашка, лежали газеты, стопка каких-то карточек, коробка с карандашами. Сбоку — полка с несколькими предметами: маленький термос, кисточка для рисования, обломок линейки, красная пуговица, моток нитки.

— Это точно магазин? — сказала Кира тихо.

— Понятия не имею, — сказал Рома.

Они подошли к окошку. Мужчина поднял взгляд. У него было спокойное лицо — не доброе и не злое, а именно спокойное, как у человека, которому незачем суетиться ни по какому поводу.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый, — сказал Рома.

Кира кивнула.

Мужчина посмотрел на них с тем вниманием, которое не ощущается как взгляд, — скорее как вопрос, заданный без слов. Потом сказал:

— Вторая ночь?

Рома не сразу понял, что это адресовано ему.

— Да, — сказал он.

— А у вас первая, — сказал мужчина, глядя на Киру. Не вопрос.

— Тоже вторая, если считать с того, как я это увидела из окна, — сказала Кира.

Мужчина чуть наклонил голову — не согласно, а как человек, который принимает уточнение к сведению.

— Хорошо, — сказал он. И замолчал.

Ждал чего-то. Рома не сразу понял чего. Потом сказал:

— Мы не знаем, что вы продаёте.

— Обычно приходят с вопросом, — сказал мужчина. Не как упрёк — просто констатация. — Или уже знают. Вы — с вопросом или уже знаете?

— С вопросом, — сказала Кира.

— Хорошо. — Он снова помолчал, как будто давал им ещё секунду додумать. Потом кивнул на стопку карточек на прилавке. — Вот это бывает нужно. Четыре рубля.

Кира смотрела на полку.

— А это что такое? — Она указала на термос. — Зачем в киоске термос?

— Не продаётся, — сказал мужчина. — Это моё.

— А вот это? — Она показала на стопку карточек на прилавке.

— Карты маршрутов. Четыре рубля.

— Четыре рубля? — переспросила Кира.

— Или эквивалент. — Мужчина посмотрел на неё. — Вы знаете, чего хотите от этого места?

Кира открыла рот, потом закрыла.

— Я хочу понять, что это такое, — сказала она наконец.

— Это не продаётся, — сказал мужчина. — Это приходит само, и только после того, как вы уже немного здесь побыли.

— Нечестно, — сказала Кира.

— Не нечестно. Просто так работает. — Он посмотрел на Рома. — А вы?

Рома думал. Он думал: я хочу знать про витрину. Хочу понять, кто это был и зачем. Хочу знать, можно ли войти. Но это было слишком большим, слишком личным, слишком настоящим, чтобы говорить это незнакомому человеку в жёлтом свете посреди ночной улицы, которой нет.

— Карту маршрутов, — сказал он.

Мужчина посмотрел на него секунду. Потом кивнул.

— Четыре рубля или эквивалент.

— Какой эквивалент?

— Вопрос. Один вопрос, на который у вас нет ответа, и вы не боитесь это признать.

Рома и Кира переглянулись. Кира смотрела на него с выражением: ну давай, твоя идея.

Рома подумал. Потом сказал:

— Я не знаю, зачем я не вошёл в первую ночь. Когда мог.

Мужчина снова наклонил голову — на этот раз как-то иначе, как будто он получил именно то, что хотел.

— Хороший вопрос, — сказал он. И взял одну карточку со стопки.

Карточка была плотная, размером с игральную. На лицевой стороне — схема улиц, маленькая и подробная, карандашом. Рома сразу узнал брусчатку, переулок, угол с киоском. Дальше от киоска шли линии, и в нескольких точках стояли цифры. На обороте — таблица: точка, время открытия, время закрытия.

— Не теряйте, — сказал мужчина. — Вторую не дам.
— Подождите, — сказала Кира. — А почему написано «имён не спрашиваем»?
— Потому что здесь не спрашивают имён.
— Но вы и не спрашивали.
— Я профессионал, — сказал мужчина. — А вы — нет. Имейте в виду.
Кира смотрела на него.
— Это правило? — сказала она. — Не называть имён?
— Одно из. — Он взял свою чашку. — Если хотите узнать остальные — там написано.
— Он кивнул на карточку. — Если не хотите — тоже ваше дело, но обычно люди жалеют.
— А почему нельзя? — продолжала Кира. — Имена — это просто слова.
— Много чего «просто слова», — сказал мужчина. — Особенно здесь. Вы пока не понимаете разницы. Это нормально. Поймёте.
Рома посмотрел на карточку. На обороте, внизу таблицы, было написано мелким почерком: «Автобус 7 — последний рейс в направлении Здания: 04:44. Опоздавшие идут пешком».

* * *

Они отошли от киоска метро на тридцать, и Кира сказала:
— Дай посмотреть.
Рома протянул карточку. Она изучала её несколько секунд, поворачивая так и эдак.
— Автобус семь, — сказала она. — Что это такое?
— Не знаю.
— Здание с заглавной буквы. Это место?
— Похоже.
— И он ездит в четыре сорок четыре. — Она посмотрела на Рома. — Это же ночью?
— Судя по всему.
— Отлично. — Она вернула карточку. — Что ещё по карте?
Рома смотрел на схему. Киоск — «К». Чуть дальше — «Н», без расшифровки, линия к воде.

Он поднял взгляд. Улица уходила вперёд, и там, где должна была быть точка «Н», что-то светилось — тот же безымянный свет. И у парапета — он не сразу понял, что это человек, — сидела фигура.

— Видишь? — тихо сказала Кира.
— Да.
— Подожди, — сказал он.
— Иду спокойно, не бегу, — сказала Кира, не оборачиваясь.
— Я не про скорость. Я про то, что мы не знаем, что там. Киоскёр сказал — здесь есть правила. Не надо лезть везде сразу.
Кира остановилась. Обернулась.
— Ты прав, — сказала она, и это прозвучало неожиданно просто, без возражений. — Я просто... — Она замолчала. Потом: — Мне страшно, что если мы сейчас уйдём, то завтра это всё опять станет тупиком с баками. И ничего не было.
Рома смотрел на неё.
— Не станет, — сказал он. Он не знал, правда ли это, но сказал уверенно — и сам этому удивился. — У нас карта.
— Карта, — повторила Кира. Пауза. — Да. Ладно.

Они стояли посреди ночной улицы, и никто не двигался ни вперёд, ни назад. Рома подумал: мы только что не поругались. Это было странно приятно.

— Давай проверим «Н» издали, — сказал он. — Просто посмотрим, не подходя.

— Хорошо.

Они подошли ближе — аккуратно, как будто между ними молча возникла договорённость про «не торопиться». Точка «Н» оказалась набережной. Или тем, что выглядело как набережная: широкий парапет, спуск к воде, воды почти не видно в темноте — только слышно, что она есть. Фонарь здесь горел тем же безымянным светом, что и везде. На парапете сидела девочка и смотрела вниз.

Они остановились метрах в двадцати.

— Это кто? — тихо сказала Кира.

— Не знаю.

— Она просто сидит.

— Да.

Девочка не оборачивалась. Она просто сидела, смотрела на воду — спокойно, как человек, которому некуда спешить. Рома думал: она такая же, как мы? Или нет? Как вообще это понять?

— Идём к ней? — сказала Кира.

— Нет, — сказал Рома.

Он сам не сразу понял, насколько уверенно это прозвучало. Просто — нет. Потому что внутри было ощущение, похожее на то, как бывает, когда смотришь слишком долго на яркий свет: уже хватит, уже достаточно, ещё немного — и перестанешь видеть вообще что-либо.

За одну ночь: переулок, киоск, правило, карта, жёлтая лампа, плата вопросом. Девочка была одним слоем слишком много.

Кира помолчала. Потом:

— Почему?

— Потому что хватит на сегодня, — сказал он.

Кира смотрела на девочку ещё секунду. Потом кивнула — коротко, как будто принимала решение, а не соглашалась с ним.

— Хорошо. Тогда домой.

* * *

Они вышли обратно через переулок — брусчатка под ногами сменилась асфальтом так же незаметно, как в прошлый раз. Двор. Фонарь у угла — снова жёлтый, снова обычный. Рома проверил время: 01:41.

У подъезда Кира остановилась.

— Дай ещё раз карточку, — сказала она.

Рома протянул. Она посмотрела на оборот, на таблицу.

— «Набережная: 00:30–03:15», — прочитала она. — Мы были в пределах времени.

Могли подойти.

— Могли.

— Но ты решил не подходить.

— Да.

Кира вернула карточку. Смотрела на него немного дольше, чем обычно.

— Ты знаешь, что делаешь, или интуиция? — спросила она.

— Интуиция, — сказал Рома честно.

— Хорошо. — Она помолчала. — Мне кажется, девочка там бывает часто. Она сидела как человек, который давно так сидит.

— Мне тоже так показалось.

— Значит, она не случайная.

Рома кивнул.

Кира посмотрела на карточку ещё раз — уже у него в руке — и сказала:

— Автобус в четыре сорок четыре. Это же не значит, что нам надо успеть на него сегодня?

— Думаю, нет. Думаю, это значит, что он есть и когда-нибудь нам понадобится.

— «Здание», — повторила она. — Куда он едет.

— Да.

Они помолчали.

— Ладно, — сказала Кира. — До завтра.

Она пошла к своему подъезду. Рома смотрел ей вслед, потом поднял взгляд — над городом стояла убывающая луна, тонкая и чёткая. Он не думал раньше о луне. Теперь подумал: карточку мужчина дал в эту ночь. А в прошлую — не дал. В прошлую его там не было. Или киоск был закрыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.